

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
(ВТОРАЯ СЕКЦИЯ)

**ДЕЛО «НИКИТИН (NIKITIN) ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ»**
(жалоба № 50178/99)

Постановление Суда

Страсбург, 20 июля 2004 г.

По делу «Никитин против Российской Федерации» Европейский Суд по правам человека (Вторая секция), заседая Палатой в составе:

Ж.-П. Коста, *Председателя Палаты*,

А.Б. Бака,

Л. Лукайдеса,

К. Юнгвирта,

В. Буткевича,

М. Угрехилидзе,

А. Ковлера, *судей*,

а также при участии С. Долле, *Секретаря Секции Суда*,

заседая за закрытыми дверями 13 ноября 2003 г. и 29 июня 2004 г.,

вынес на последнем заседании следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 50178/99), поданной 18 июля 1999 г. в Европейский Суд по правам человека против Российской Федерации гражданином России Александром Константиновичем Никитиным (далее – заявитель) в соответствии со статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

2. Власти Российской Федерации в Европейском Суде были представлены Лаптевым П.А., Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, что судебное производство в порядке надзора, имевшее место после вынесения окончательного оправдательного приговора по его делу, представляло собой нарушение его права на справедливое судебное разбирательство и его права не быть судимым

дважды в ходе уголовного судопроизводства в отношении преступления, по которому он уже был окончательно оправдан.

4. Жалоба была передана во Вторую секцию Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). В рамках этой Секции была сформирована Палата для рассмотрения данного дела (пункт 1 статьи 27 Конвенции) в соответствии с пунктом 1 правила 26 Регламента.

5. Решением от 13 ноября 2003 г. Европейский Суд признал жалобу частично приемлемой для рассмотрения по существу.

6. Заявитель и власти Российской Федерации представили свои замечания по существу дела (пункт 1 правила 59 Регламента). Проконсультировавшись со сторонами, Палата решила, что проведение устных слушаний по существу дела не требуется (пункт 2 правила 59 *in fine* Регламента). Затем, стороны в письменном виде представили ответы на замечания противоположной стороны.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Заявитель, 1952 года рождения, проживает в г. Санкт-Петербурге.

8. В феврале 1995 года заявитель, бывший офицер ВМФ, стал участником проекта по охране окружающей среды «Беллона» (*Bellona*) норвежской неправительственной организации, и был занят в подготовке доклада под названием «Северный флот России. Источники радиоактивного заражения» (далее – доклад).

9. 5 октября 1995 г. в Мурманском отделении организации «Беллона» был произведен обыск Федеральной службой безопасности Российской Федерации (далее – ФСБ России). Представители ФСБ России изъяли проект упомянутого доклада, допросили заявителя, и возбудили уголовное дело в отношении заявителя по факту государственной измены, поскольку в проекте доклада предположительно раскрывались сведения о происшествиях на российских атомных подводных лодках.

10. 20 октября 1998 г. в Санкт-Петербургском городском суде началось судебное разбирательство по делу заявителя по факту государственной измены посредством шпионажа и разглашения государственной тайны при отягчающих обстоятельствах. 29 октября 1998 г., после четырех дней слушаний, дело было возвращено на дополнительное расследование. Суд установил, что нечеткость обвинительного заключения лишает заявителя права защищать себя с

помощью законных средств и не позволяет суду провести рассмотрение дела по существу. Далее отмечалось, что материалы дела оставляют открытым вопрос о том, содержит ли доклад секретную информацию, и не содержат «необходимой и полной» экспертной оценки возможных открытых источников информации или нанесенного ущерба. Суд определил, что должно быть проведено дополнительное, с помощью экспертов, изучение вопроса о возможности получения ставших предметом спора сведений из открытого источника и должны быть приняты дополнительные меры по завершению расследования.

11. 3 ноября 1998 г. обвинение обжаловало это решение, заявив, что дело является достаточно ясным для вынесения судом решения и не нуждающимся в дополнительном расследовании.

12. 4 февраля 1999 г. решение о проведении дополнительного расследования было оставлено без изменения Верховным Судом Российской Федерации.

13. 23 ноября 1999 г. Санкт-Петербургский городской суд возобновил рассмотрение дела в отношении заявителя по тем же пунктам обвинения.

14. 29 декабря 1999 г. Санкт-Петербургский городской суд оправдал заявителя по всем пунктам обвинения, установив, что предъявленные заявителю обвинения целиком базировались на закрытых и примененных с обратной силой приказах и указах.

15. Обвинение обжаловало данное решение.

16. 17 апреля 2000 г. Верховный Суд Российской Федерации оставил в силе оправдательный приговор. Он признал обвинения, основывающиеся на закрытых и примененных с обратной силой законодательных актах, противоречащими Конституции Российской Федерации. Таким образом, оправдательный приговор вступил в силу.

17. 30 мая 2000 г. Генеральный прокурор Российской Федерации* принес протест в порядке надзора на оправдательный приговор, вступивший в законную силу. Он ходатайствовал об отмене вышеуказанного судебного решения на том основании, что была неправильно истолкована применимая норма права о государственной тайне, что нечеткое обвинительное заключение сыграло в пользу заявителя, а также указал на иные недостатки предварительного следствия, в частности, на отсутствие экспертного заключения относительно того, была ли рассматриваемая в настоящем деле информация взята из открытых

*Так в тексте. На самом деле протест был принесен заместителем Генерального прокурора Российской Федерации (*прим. пер.*)

источников. Генеральный прокурор Российской Федерации просил по-иному подойти к оценке положений применимого законодательства, доказательной базы и обстоятельств данного дела, и требовал направления этого дела на дополнительное расследование.

18. 13 сентября 2000 г. Президиум Верховного Суда Российской Федерации оставил без удовлетворения протест Генерального прокурора Российской Федерации и оставил без изменения оправдательный приговор в отношении заявителя. Признав, что следствие было проведено не всесторонне и с недостатками, Президиум отметил, что Генеральная прокуратура Российской Федерации не может ссылаться на них, поскольку именно в компетенции прокуратуры было осуществление контроля за их исправлением на более ранних стадиях судебного разбирательства. Более того, Президиум Верховного Суда Российской Федерации указал, что следственные органы должны были ранее исправить именно те недостатки, на которые содержатся ссылки в протесте об отмене оправдательного приговора. Он напомнил, что 29 октября 1998 г. Санкт-Петербургский городской суд прямо указал следственным органам, *inter alia*, провести изучение информации на предмет того, мог ли заявитель получить рассматриваемую в рамках настоящего дела информацию из открытых источников.

19. 17 июля 2002 г. Конституционный Суд Российской Федерации рассмотрел жалобу заявителя, оспаривающую конституционность законов, позволяющих пересмотр оправдательных приговоров.

20. В своем Постановлении, вынесенном в тот же день, Конституционный Суд Российской Федерации объявил противоречащим Конституции Российской Федерации положения закона, позволяющие пересмотр и отмену оправдательных приговоров на основании некачественного или неполного проведения предварительного следствия или судебного разбирательства или на основании неверной оценки фактов дела, за исключением случаев, когда имеются новые доказательства или грубые ошибки при проведении разбирательства по делу.

21. Конституционный Суд Российской Федерации пришел, *inter alia*, к следующим выводам:

«...Вместе с тем Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, а именно пунктом 2 статьи 4 Протокола № 7 (в редакции Протокола № 11), установлено, что право не привлекаться повторно к суду или повторному наказанию не препятствует повторному рассмотрению дела в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами соответствующего государства, если имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или если в ходе предыдущего разбирательства было допущено существенное нарушение (т.е. имеющее фундаментальный, принципиальный характер - "*fundamental defect*" в

английском тексте, "*un vice fondamentale*" во французском тексте), повлиявшее на исход дела.

Из названного положения Конвенции и корреспондирующих ему положений статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации следует, что федеральный законодатель вправе предусмотреть - с соблюдением критериев и условий, закрепленных в данных положениях, - процессуальные механизмы и процедуры пересмотра и отмены вступившего в законную силу приговора и с учетом их природы определить, в каких случаях такой пересмотр возможен в процедуре возобновления дел по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, а в каких - в надзорном порядке.

При этом исключения из общего правила о запрете поворота к худшему допустимы лишь в качестве крайней меры, когда неисправление судебной ошибки искажало бы саму суть правосудия, смысл приговора как акта правосудия, разрушая необходимый баланс конституционно защищаемых ценностей, в том числе прав и законных интересов осужденных и потерпевших. Отсутствие возможности пересмотра окончательного судебного решения в связи с имевшим место в ходе предшествующего разбирательства фундаментальным нарушением, которое повлияло на исход дела, означало бы, что - вопреки принципу справедливости и основанным на нем конституционным гарантиям охраны достоинства личности и судебной защиты прав и свобод человека ... - такое ошибочное судебное решение не может быть исправлено.

3.2. Исходя из требований ... Конституции Российской Федерации и Конвенции о защите прав человека и основных свобод, федеральный законодатель, предусматривая возможность отмены вступившего в законную силу приговора и пересмотра уголовного дела, обязан сформулировать точные и четкие критерии и основания подобной отмены, с учетом того, что речь идет о таком решении судебной власти, которое уже вступило в законную силу и которым, следовательно, окончательно решены вопросы о виновности лица и мере наказания.

Между тем основания пересмотра вступивших в законную силу приговоров, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР, выходят за эти рамки. Предусматривая возможность отмены вступивших в законную силу, т.е. окончательных, приговоров, тем более если речь идет об оправдательных приговорах, федеральный законодатель ... был обязан сформулировать безусловные основания к их отмене с достаточной определенностью, точностью и ясностью, с тем чтобы исключить произвольное применение закона судом. Не выполнив этого, он тем самым исказил критерии допустимости отмены окончательных приговоров, вытекающие из ... Конституции Российской Федерации и пункта 2 статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

/.../

Конституционным принципам уголовного судопроизводства и сформулированной на их основе правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации не соответствует и положение о том, что суд надзорной инстанции при установлении им в результате собственной оценки доказательств односторонности или неполноты дознания или предварительного следствия наделяется полномочием передать дело на новое расследование..., поскольку тем самым стороне обвинения неправомерно создаются дополнительные возможности по доказыванию вины привлеченного к уголовной ответственности лица уже после вступления приговора суда в законную силу. ... Соответственно, и прокурор не вправе ставить перед судом надзорной инстанции вопрос о пересмотре приговора со ссылкой на необоснованность, не подпадающую под этот критерий».

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

A. Применимое законодательство

22. Разделом VI главы 30 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, который действовал на момент событий, допускалась

возможность обжалования определенными должностными лицами уже вступившего в силу решения и пересмотра дела в отношении примененных норм материального и процессуального права. Пересмотр дел в порядке надзора (статьи 371-383) отличается от судебного разбирательства, входе которого дело пересматривается ввиду вновь открывшихся обстоятельств (статьи 384-390). Однако к нему применяются те же процессуальные нормы (статья 388).

1. Вступление приговора в законную силу

23. Согласно статье 356 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР приговор вступает в законную силу и подлежит исполнению в день оглашения решения суда кассационной инстанции или в случае, если приговор не обжаловался, в день истечения срока кассационного обжалования.

2. Основания для пересмотра дела в порядке надзора и возобновления судебного разбирательства

Статья 379. Основания к отмене или изменению вступивших в законную силу приговора, определения и постановления суда

Основаниями к отмене или изменению приговора (приговора мирового судьи) при рассмотрении дела в порядке надзора являются обстоятельства, указанные в статье 342 настоящего Кодекса.

Определения суда первой инстанции, постановления судьи, приговоры (постановления) суда апелляционной инстанции, определения кассационной инстанции, определения и постановления надзорной инстанции подлежат отмене или изменению, если суд, рассматривающий протест, признает, что этим приговором (постановлением) суда апелляционной инстанции, определением или постановлением вынесено незаконное или необоснованное решение судом первой инстанции, неосновательно оставлены без изменения, отменены или изменены вышестоящим судом предшествующие определения, постановления или приговор по делу, либо если при рассмотрении дела в вышестоящем суде были допущены нарушения закона, которые повлияли или могли повлиять на правильность вынесенного им определения или постановления.

Статья 343. Односторонность или неполнота дознания, предварительного или судебного следствия

Односторонним или неполно проведенным признается дознание, предварительное или судебное следствие, которые оставили невыясненными такие обстоятельства, установление которых могло иметь существенное значение при постановлении приговора.

Дознание, предварительное или судебное следствие во всяком случае признается односторонним или неполным, когда по делу:

1) не были допрошены лица, чьи показания имеют существенное значение для дела, или не была проведена экспертиза, когда ее проведение по закону является обязательным, а равно не были истребованы документы или вещественные доказательства, имеющие существенное значение;

2) не были исследованы обстоятельства, указанные в определении суда или постановлении судьи, передавшего дело для производства дополнительного расследования или на новое судебное рассмотрение;

3) не установлены с достаточной полнотой данные о личности обвиняемого.

Статья 384. Основания возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам

Вступившие в законную силу приговор суда, приговор мирового судьи, приговор суда апелляционной инстанции, определение и постановление суда могут быть отменены по вновь открывшимся обстоятельствам.

Основаниями для возобновления уголовного дела по вновь открывшимся обстоятельствам являются:

1) установленная вступившим в законную силу приговором суда заведомая ложность показаний свидетеля или заключения эксперта, а равно подложность вещественных доказательств, протоколов следственных и судебных действий и иных документов или заведомая ложность перевода, повлекшие за собой постановление необоснованного или незаконного приговора;

2) установленные вступившим в законную силу приговором суда преступные злоупотребления судей, допущенные ими при рассмотрении данного дела;

3) установленные вступившим в законную силу приговором суда преступные злоупотребления лиц, производивших расследование по делу, повлекшие постановление необоснованного и незаконного приговора или определения суда о прекращении дела;

4) иные обстоятельства, неизвестные суду при постановлении приговора или определения, которые сами по себе или вместе с обстоятельствами, ранее установленными, доказывают невиновность осужденного или совершение им менее тяжкого или более тяжкого преступления, нежели то, за которое он осужден, а равно доказывают виновность оправданного или лица, в отношении которого дело было прекращено.

При невозможности вынести приговор за истечением сроков давности, издания акта амнистии или ввиду помилования отдельных лиц, а также вследствие смерти обвиняемого вновь открывшиеся обстоятельства, указанные в пунктах 1 - 3 настоящей статьи, устанавливаются расследованием, производимым в порядке, предусмотренном статьей 387 настоящего Кодекса.

3. Должностные лица, обладающие правом приносить протесты и представления о пересмотре дел в порядке надзора

24. Статьей 371 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР предусматривалось, что правом приносить протесты и представления в порядке надзора на вступившие в законную силу приговоры пользовались Генеральный прокурор Российской Федерации, Председатель Верховного Суда Российской Федерации и их заместители в отношении любых приговоров, кроме тех, что выносятся Президиумом Верховного Суда Российской Федерации, а также председатели судов субъектов Российской Федерации в отношении приговоров, вынесенных этими или нижестоящими судами. Сторона, участвующая в уголовном или гражданском разбирательстве, может ходатайствовать о принесении протеста упомянутых должностных лиц с целью пересмотра итогов такого разбирательства.

4. Сроки пересмотра в порядке надзора

25. Статьей 373 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР устанавливался срок в один год, в течение которого уполномоченное должностное лицо может принести протест в порядке надзора на вынесенный судом оправдательный приговор. Этот период начинает исчисляться со дня вступления оправдательного приговора в законную силу.

5. Последствия пересмотра оправдательного приговора в порядке надзора

26. Согласно статьям 374, 378 и 380 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР протест в порядке надзора должен был быть рассмотрен судебным органом (президиумом) конкретного компетентного суда. Этот суд рассматривает конкретное дело по существу, не будучи связанным доводами принесенного протеста.

27. Президиум суда мог либо оставить протест без удовлетворения, и таким образом, поддержать ранее вынесенное постановление, или удовлетворить его. В последнем случае, он мог вынести решение относительно того, следует ли отменить приговор и прекратить уголовное преследование, направить дело на новое расследование или направить его на новое судебное рассмотрение в суд любой инстанции, поддержать приговор суда первой инстанции, отмененный судом кассационной инстанции, либо внести изменения и поддержать любое из ранее вынесенных решений.

28. В соответствии с частями второй и третьей статьи 380 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР президиум суда мог в рамках этого же судебного разбирательства смягчить приговор или изменить правовую квалификацию обвинения или наказания в пользу заявителя. Если президиум полагал, что приговор или правовая квалификация являются слишком мягкими, он должен был передать дело на новое рассмотрение.

29. 1 июля 2002 г. вступил в силу новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. В соответствии со статьей 405 указанного Кодекса внесение представлений о пересмотре дела в порядке надзора ограничено случаями, когда оно не повлечет изменения, ухудшающие положение обвиняемого. Оправдательные приговоры и решения о прекращении дела не могут быть обжалованы в порядке надзора.

В. Применимые правовые материалы

30. 19 января 2000 г. Комитет Министров Совета Европы на 694-м заседании представителей министров принял Рекомендацию № R (2000) 2 о пересмотре и возобновлении судебных разбирательств по ряду дел на национальном уровне после вынесения постановлений Европейским Судом по правам человека. Рекомендация призвала Договаривающиеся Стороны внести изменения в свои правовые системы, чтобы обеспечить наличие адекватной возможности для пересмотра дел, в том числе возобновления судебных разбирательств, в случае, если Европейский Суд установил нарушение положений Конвенции.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 4 ПРОТОКОЛА № 7 К КОНВЕНЦИИ

31. Заявитель утверждал, что пересмотр в порядке надзора, проведенный после его окончательного оправдания, представляет собой нарушение его права не привлекаться к суду повторно с целью проведения уголовного разбирательства по правонарушению, в отношении которого он уже был окончательно оправдан. Он утверждал, что он, как минимум, подвергался опасности быть судимым заново по тем же основаниям, поскольку сам факт принесения Генеральным прокурором Российской Федерации протеста о пересмотре дела в порядке надзора создает вероятность повторного обвинения. Заявитель ссылался на статью 4 Протокола № 7 к Конвенции, которая в части, применимой к настоящему делу, гласит:

«1. Никто не должен быть повторно судим или наказан в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое уже был оправдан или осужден в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами этого государства.

2. Положения предыдущего пункта не препятствуют повторному рассмотрению дела в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами соответствующего государства, если имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или если в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела».

А. Доводы сторон

32. Власти Российской Федерации считали, что с точки зрения статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции процедура пересмотра в порядке надзора не является повторным судебным процессом. Они утверждали, что действовавшее на момент событий законодательство не позволяло суду надзорной инстанции вынести приговор по делу заявителя, но лишь допускало отмену ранее вынесенных судебных решений и направление дела на новое рассмотрение судом в состязательном процессе. В подтверждение своей позиции они ссылались на Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2002 г. по жалобе заявителя. Власти Российской Федерации отмечали, что нельзя утверждать, что оправдательный приговор заявителя был в какой-либо период времени отменен или приостановлен в действии, принимая во внимание, что протест Генерального прокурора Российской Федерации был отклонен.

33. Далее, власти Российской Федерации указывали, что в связи с недавними изменениями в законодательстве Российской Федерации вступившие в силу оправдательные приговоры более не могут быть оспорены в порядке надзора, и обвинительные приговоры более не могут быть оспорены в порядке надзора, если это может ухудшить положение осужденного.

34. Заявитель не согласился с доводами властей Российской Федерации и указывал, что вопреки принципу *non bis in idem* принесенный Генеральным прокурором Российской Федерации протест о пересмотре дела в порядке надзора поставил его в положение, при котором его можно было повторно привлечь к суду за преступление, в связи с которым вступил в силу оправдательный приговор в отношении заявителя. Хотя исход дела остался неизменным, по сути дела он дважды подвергался уголовному преследованию за одно и то же правонарушение. Он утверждал, что пересмотр его дела в порядке надзора не был оправдан в качестве исключительной необходимости в повторном рассмотрении дела, которое допускается пунктом 2 статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции, поскольку Президиумом Верховного Суда Российской Федерации не было обнаружено никаких существенных нарушений, предположительно допущенных в ходе рассмотрения дела нижестоящими судами, которые бы потребовали пересмотра дела.

В. Мнение Европейского Суда

35. Европейский Суд отметил, что защита от повторного уголовного преследования является одной из основных гарантий, связанных с общими гарантиями справедливого судебного разбирательства при предъявлении лицу уголовного обвинения. Он напомнил, что целью статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции является запрет повторного уголовного преследования в отношении правонарушения, по которому уже вынесено окончательное судебное решение (см., среди прочих прецедентов, Постановление Европейского Суда по делу «Градингер против Австрии» (*Gradinger v. Austria*) от 23 октября 1995 г., Series A, № 328-C, p. 65, § 53). Далее, Европейский Суд отметил, что аспект повторности судебного разбирательства или наказания является центральным в правовой проблеме, освещаемой в статье 4 Протокола № 7 к Конвенции. В деле «Оливейра против Швейцарии» (*Oliveira v. Switzerland*) (Постановление Европейского Суда от 30 июля 1998 г., *Reports* 1998-V) тот факт, что два судебных разбирательства не представляли собой одно целое, был достаточен, чтобы признать, что отсутствует нарушение данного положения, хотя два судебных разбирательства были инициированы в отношении одного и того же действия (p. 1998, § 27).

36. Возвращаясь к принесению протеста о пересмотре в порядке надзора вступившего в законную силу оправдательного приговора, произведенного при обстоятельствах настоящего дела, Европейский Суд прежде всего должен установить элементы, если таковые имеются, статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции, присущие такому судебному разбирательству. В этих целях внимание будет уделено следующим аспектам:

- имелось ли «окончательное» судебное решение до принесения протеста или являлось ли надзорное производство составной частью обычного судебного разбирательства и само оканчивалось вынесением окончательного судебного решения;
- было ли дело заявителя «рассмотрено заново» в ходе судебного разбирательства в Президиуме Верховного Суда Российской Федерации; и
- подвергался ли заявитель опасности «повторного уголовного преследования» в силу самого принесения протеста Генеральным прокурором Российской Федерации.

Наконец, Европейский Суд рассмотрит, мог ли пересмотр дела в порядке надзора в настоящем деле в принципе привести к повторному уголовному преследованию в нарушение гарантий, предоставляемых статьей 4 Протокола № 7 к Конвенции.

1. Был ли заявитель «окончательно оправдан» до принесения протеста о пересмотре дела в порядке надзора

37. Согласно Пояснительному докладу к Протоколу № 7 к Конвенции, который сам содержит отсылки к Европейской конвенции о международной силе судебных решений по уголовным делам, «судебное решение является окончательным, «если в соответствии с традиционным выражением оно приобрело силу *res judicata*. В этом случае оно окончательно, то есть отсутствуют обычные средства по его отмене или изменению или стороны их исчерпали или пропустили установленные сроки для того, чтобы ими воспользоваться».

38. Европейский Суд отметил, что положения процессуального права, действовавшие на момент событий, позволяли определенным должностным лицам оспаривать судебные решения, вступившие в законную силу. Основания для принесения протеста в порядке надзора были такими же, что и при принесении кассационного протеста. Что касается оправдательного приговора, протест о пересмотре дела в порядке надзора мог быть принесен в течение одного года с момента вступления судебного решения в силу. Если предположить, что Президиум Верховного Суда Российской Федерации удовлетворил бы протест Генерального прокурора Российской Федерации и судебное разбирательство было бы начато заново, последующее судебное решение будет единственным решением по уголовному обвинению, предъявленному заявителю, в то время как одновременно не будет иметься иных остающихся в силе судебных решений, и это последнее решение будет «окончательным». Таким образом, как представляется, национальное право Российской Федерации, существовавшее на момент событий, не рассматривало такие судебные решения, как оправдательный приговор в настоящем деле, «окончательными» до истечения срока подачи представления или протеста о пересмотре дела в порядке надзора. На этом основании решение Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 30 мая 2000 г. об отказе в удовлетворении протеста было окончательным по настоящему делу. При таком толковании статья 4 Протокола № 7 к Конвенции не имеет применения в настоящем деле, поскольку все судебные решения, рассматриваемые Европейским Судом, относились к одному судебному разбирательству.

39. Однако Европейский Суд напомнил, что принесение протеста об отмене окончательного судебного решения является формой «чрезвычайной» жалобы, поскольку это средство не является

непосредственно доступным обвиняемому по уголовному делу и его применение зависит от усмотрения уполномоченных на то должностных лиц. Так, Европейский Суд не признал, что надзорное производство является эффективным средством правовой защиты ни в гражданском, ни в уголовном судопроизводстве (см. Решение Европейского Суда по делу «Тумилович против Российской Федерации» (Tumilovich v. Russia) от 22 июня 1999 г., жалоба № 47033/99, и Решение Европейского Суда по делу «Бердзенишвили против Российской Федерации» (Berdenishvili v. Russia) от 29 января 2004 г., жалоба № 31697/03), а отмена судебного решения в порядке надзора может создать проблемы при соблюдении принципа правовой определенности в отношении первоначальных судебных решений (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Брумареку против Румынии» (Brumărescu v. Romania), жалоба № 28342/95, ECHR 1999-VII, § 62, и Постановление Европейского Суда по делу «Рябых против Российской Федерации» (Ryabykh v. Russia) от 24 июля 2003 г., жалоба № 52854/99, §§ 56-58). Таким образом, далее Европейский Суд будет исходить из того, что решение суда кассационной инстанции от 17 апреля 2000 г., с вынесением которого оправдательный приговор по делу заявителя вступил в силу, было «окончательным судебным решением» по смыслу статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции.

2. Имело ли место «повторное судебное разбирательство» в отношении заявителя при рассмотрении протеста Президиумом Верховного Суда Российской Федерации

40. Европейский Суд установил, что протест Генерального прокурора Российской Федерации об отмене вступившего в силу оправдательного приговора был рассмотрен Президиумом Верховного Суда Российской Федерации. Его рассмотрение на данной стадии было ограничено вопросом, следует ли удовлетворить протест. В обстоятельствах данного дела Президиум Верховного Суда Российской Федерации оставил протест Генерального прокурора Российской Федерации без удовлетворения, и окончательным судебным решением осталось решение суда кассационной инстанции от 17 апреля 2000 г.

41. Следовательно, «повторное судебное разбирательство» в отношении заявителя отсутствовало при судебном разбирательстве, в ходе которого Президиум Верховного Суда Российской Федерации оставил без удовлетворения протест Генерального прокурора Российской Федерации

об отмене вступившего в силу оправдательного приговора по делу заявителя.

3. Подвергался ли заявитель опасности «повторного уголовного преследования»

42. Далее Европейский Суд рассмотрел вопрос о том, подвергался ли заявитель опасности «повторного уголовного преследования», как он сам утверждал. Европейский Суд отметил, что если бы протест был удовлетворен, Президиум Верховного Суда Российской Федерации должен был бы в соответствии с действовавшей на момент событий статьей 380 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР выбрать одно из действий, указанных выше в § 27. Необходимо отметить, что Президиум Верховного Суда Российской Федерации не обладал полномочиями вынести новое судебное решение по существу дела в рамках того же судебного разбирательства, но лишь мог удовлетворить или оставить без удовлетворения протест Генерального прокурора Российской Федерации.

43. Как представляется, таким образом, вероятность возобновления судебного разбирательства в настоящем деле была слишком отдаленной и косвенной, чтобы представлять собой «судебное преследование» по смыслу статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции.

44. Хотя элементов, освещенных в §§ 40-43, самих по себе уже достаточно, чтобы продемонстрировать, что в настоящем деле надзорное судебное разбирательство не привело к нарушению статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции, Европейский Суд отметил, что имеются существенные, еще более важные причины, чтобы прийти к этому же выводу. Он счел, что в настоящем деле основополагающим моментом является то, что надзорное судебное разбирательство в любом случае не привело бы к повторному уголовному преследованию по смыслу статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции по следующим причинам.

45. Европейский Суд счел, что статья 4 Протокола № 7 к Конвенции проводит четкое разделение между повторным уголовным преследованием или судебным разбирательством, запрещенным пунктом 1 этой статьи, и возобновлением судебного разбирательства при исключительных обстоятельствах, закрепленных в пункте 2 этой же статьи. Пункт 2 статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции прямо закрепляет возможность того, что лицо может быть подвергнуто в соответствии с национальным законодательством уголовному преследованию по тем же основаниям, если дело возобновлено ввиду появления новых обстоятельств или

обнаружения существенных нарушений в ходе предыдущего судебного разбирательства.

46. Европейский Суд отметил, что законодательство Российской Федерации, действовавшее на момент событий, позволяло возобновление уголовных дел, производство по которым окончено, ввиду появления новых или вновь открывшихся обстоятельств или существенных нарушений (статьи 384-390 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР). Данная процедура, очевидно, подпадает под сферу применения статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции. Однако Европейский Суд отметил, что в дополнение к этому также существует система, позволяющая пересматривать судебные решения ввиду допущенных судебных ошибок при применении норм материального и процессуального права (надзор, статьи 371-383 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР). Предметом такого судебного разбирательства остается то же самое уголовное обвинение и правильность предыдущего судебного решения. Если протест удовлетворялся и судебное разбирательство возобновлялось, конечным итогом надзорного судебного разбирательства являлись отмена всех ранее вынесенных судебных решений и вынесение нового решения по уголовному обвинению. В этом отношении итог надзорного разбирательства – тот же, что и при возобновлении судебного разбирательства, поскольку и первое, и второе являются формами продолжения ранее проведенного судебного разбирательства. Таким образом, Европейский Суд пришел к выводу, что в целях *ne bis in idem* надзорное судебное производство может рассматриваться как отдельный вид возобновления судебного разбирательства, подпадающего под сферу применения пункта 2 статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции.

47. Довод заявителя о том, что надзорное производство не было необходимым и представляло собой злоупотребление полномочиями государства, не относится к вопросу соблюдения статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции: то, каким образом осуществляются властные полномочия, относится к общим вопросам справедливости уголовного преследования и не может иметь значения при определении того, что процедура является «возобновлением» судебного разбирательства, а не «повторным судебным разбирательством». Принимая во внимание факты настоящего дела, судебное разбирательство по рассмотрению протеста было лишь попыткой возобновить судебное разбирательство, а не провести «повторное судебное разбирательство».

48. Наконец, Европейский Суд отметил, что соответствие требованиям законности согласно пункту 2 статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции в настоящем деле не оспаривается.

49. Европейский Суд пришел к выводу, что заявитель не подвергался опасности повторного уголовного преследования или наказания по смыслу пункта 1 статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции, и, соответственно, нарушение данного положения отсутствует.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

50. Заявитель утверждал, что судебное разбирательство в порядке надзора, имевшее место после вынесения вступившего в законную силу оправдательного приговора, представляет собой нарушение его права на справедливое судебное разбирательство. Он ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции, который в части, применимой к настоящему делу, гласит:

«Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое ... разбирательство дела ... судом...».

A. Доводы сторон

51. В своем дополнительном меморандуме власти Российской Федерации указывали, что надзорное судебное производство не представляло собой нового судебного разбирательства по уголовному обвинению заявителя, поскольку протест о пересмотре оправдательного приговора, принесенный Генеральным прокурором Российской Федерации, был оставлен без удовлетворения Президиумом Верховного Суда Российской Федерации, при этом дело не рассматривалось по существу. Власти Российской Федерации проинформировали Европейский Суд о том, что поскольку часть вторая статьи 380 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР не позволял Президиуму Верховного Суда Российской Федерации увеличить наказание или изменить правовую квалификацию, установив более серьезную, не направив дело на новое рассмотрение дела, Президиум Верховного Суда Российской Федерации сам не мог заменить оправдательный приговор на обвинительный одновременно с удовлетворением протеста. Власти Российской Федерации также утверждали, что поскольку надзорное производство не оказало негативного влияния на оправдательный приговор заявителя, оно не может

представлять собой нарушение права заявителя на справедливое судебное разбирательство по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции.

52. Власти Российской Федерации указывали, что надзорное производство в настоящем деле велось в строгом соответствии с процедурой, установленной действовавшим на момент событий законодательством Российской Федерации. В частности, протест был принесен Генеральным прокурором Российской Федерации в течение года после вступления в силу оправдательного приговора.

53. Заявитель, напротив, утверждал, что сама возможность отмены окончательного и обязательного к исполнению оправдательного приговора нарушает его право на справедливое судебное разбирательство. Он указывал, что хотя надзорное производство соответствовало формальным требованиям, установленным действовавшим на момент событий законодательством Российской Федерации, это судопроизводство не было необходимым. Заявитель утверждал, что при обстоятельствах настоящего дела принесение Генеральным прокурором Российской Федерации протеста в порядке надзора на оправдательный приговор по делу заявителя представлял собой явное злоупотребление его полномочиями и противоречил принципам, закрепленным Конвенцией.

В. Мнение Европейского Суда

54. Европейский Суд уже установил выше, что надзорное производство в настоящем деле соответствовало принципу *ne bis in idem*, закрепленному в статье 4 Протокола № 7 к Конвенции, который сам по себе является одним из аспектов справедливого судебного разбирательства. Однако сам факт того, что надзорное производство, инициированное в настоящем деле, соответствовало требованиям статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции, сам по себе не достаточен, чтобы установить в настоящем деле соблюдение статьи 6 Конвенции. Европейский Суд должен рассмотреть его соответствие статье 6 Конвенции в отдельности от вывода, сделанного в отношении статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции.

55. В частности, Европейский Суд напомнил, что он уже ранее устанавливал, что надзорное производство может поставить под вопрос соблюдение принципа правовой определенности, поскольку судебные решения по гражданским делам могли быть пересмотрены по более широкому кругу относительно несущественных оснований (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Брумареску против Румынии» и упоминавшееся выше

Постановление Европейского Суда по делу «Рябых против Российской Федерации»). Положение судебных решений по уголовным делам несколько иное, по крайней мере, в отношении оправдательных приговоров, поскольку протест о пересмотре оправдательного приговора в порядке надзора мог быть принесен лишь в течение одного года с момента вступления оправдательного приговора в силу.

56. Далее, Европейский Суд отметил, что требования правовой определенности не являются абсолютными. По уголовным делам они должны приниматься во внимание в совокупности, например, с пунктом 2 статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции, который прямо позволяет государствам возобновлять производство по делу ввиду открытия новых обстоятельств или в случае, когда обнаружены существенные недостатки, допущенные в ходе предыдущего судебного разбирательства, которые могли повлиять на исход судебного разбирательства. Возможность пересмотра судебного решения или возобновления разбирательства по делу также рассматривалась Комитетом Министров Совета Европы как гарантия восстановления прав, в частности в контексте исполнения постановлений Европейского Суда. В своей Рекомендации № R (2000) 2 о пересмотре и возобновлении судебных разбирательств по ряду дел на национальном уровне после вынесения постановлений Европейским Судом по правам человека Комитет Министров Совета Европы призвал государства-члены Совета Европы к обеспечению того, чтобы национальные правовые системы предусматривали процедуру, в ходе которой дело могло быть пересмотрено или возобновлено.

57. Таким образом, сама возможность возобновления уголовного дела *prima facie* соответствует требованиям Конвенции, в том числе гарантий статьи 6. Однако отдельные конкретные аспекты дела могут выявить, что в действительности то, как это происходит, нарушает саму сущность справедливого судебного разбирательства. В частности, Европейский Суд должен рассмотреть, были ли полномочия по инициированию и проведению надзорного производства использованы органами государственной власти таким образом, что был максимально нарушен справедливый баланс между интересами лица и необходимостью обеспечить эффективность системы отправления правосудия по уголовным делам.

58. Европейский Суд придал особый вес доводу о том, что по делу заявителя Президиум Верховного Суда Российской Федерации должен был только разрешить вопрос, должно ли быть возобновлено судебное разбирательство. Если бы он отменил оправдательный приговор, это бы

неизбежно повлекло отдельное состязательное производство по существу дела в компетентных судах. Таким образом, решение Президиума Верховного Суда Российской Федерации представляло собой процессуальный шаг, который является лишь предпосылкой для нового рассмотрения уголовного обвинения по делу. Европейский Суд отметил, что Президиум Верховного Суда Российской Федерации оставил без удовлетворения протест Генерального прокурора Российской Федерации, признав, что в нем содержатся ссылки на недостатки, исправление которых находилось полностью в сфере прокурорского контроля и должно было быть произведено до вынесения окончательного судебного решения. Протест Генерального прокурора Российской Федерации сам по себе мог быть охарактеризован как произвольный и нарушающий права заявителя. Однако он не оказал решающего влияния на справедливость надзорного производства в целом, что, в первую очередь, является осмотрительностью Президиума Верховного Суда Российской Федерации (см., *mutatis mutandis*, Решение Европейского Суда по делу «Волощук против Украины» (Voloshchuk v. Ukraine) от 14 октября 2003 г., жалоба № 51394/99, и Решение Европейского Суда по делу «Сардин против Российской Федерации» (Sardin v. Russia) от 12 февраля 2004 г., жалоба № 69582/01). Соответственно, произвольность протеста Генерального прокурора Российской Федерации о пересмотре окончательного приговора в порядке надзора не могла причинить и не причинила вред рассмотрению уголовного обвинения в настоящем деле.

59. Европейский Суд пришел к выводу, что власти Российской Федерации в ходе проведения надзорного производства по настоящему делу не нарушили справедливый баланс между интересами заявителя и необходимостью обеспечить надлежащее отправление правосудия.

60. Что касается судебного разбирательства в Президиуме Верховного Суда Российской Федерации, его исход был в пользу заявителя, и, таким образом, в отношении этого судебного разбирательства он не может утверждать, что является жертвой нарушения его права на справедливое судебное разбирательство. Более того, в соответствии с установившимся прецедентным правом Конвенционных органов статья 6 Конвенции не применима к судебным разбирательствам, касающимся оставленных без удовлетворения ходатайств о возобновлении рассмотрения дела. Только новое судебное разбирательство после удовлетворения такого ходатайства может рассматриваться как касающееся рассмотрения уголовного обвинения по делу (см., *inter alia*, Решение Европейской Комиссии по делу «Х. против Австрии» (X. v.

Austria) от 8 мая 1978 г., жалоба № 7761/77, DR 14, pp. 171, 174, и Решение Европейской Комиссии по делу «Хосе Мария Руис Матеос и другие против Испании» (José Maria Ruiz Mateos and Others v. Spain) от 2 декабря 1994 г., жалоба № 24469/94, DR 79, p. 141).

61. Соответственно, Европейский Суд установил, что нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в настоящем деле отсутствует.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1) постановил, что нарушение статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции в настоящем деле отсутствует;

2) постановил, что нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в настоящем деле отсутствует.

Совершено на английском языке, и письменные уведомления о настоящем Постановлении направлены сторонам 20 июля 2004 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

С. ДОЛЛЕ
Секретарь Секции Суда

Ж.-П. КОСТА
Председатель Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагается совпадающее мнение судьи Л. Лукайдеса.

Ж.-П. К.
С.Д.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ Л. ЛУКАЙДЕСА

Я голосовал с большинством судей в отношении того, что в настоящем деле отсутствуют нарушения статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции и пункта 1 статьи 6 Конвенции. Однако причины моего вывода относительно жалобы заявителя по статье 4 Протокола №7 к Конвенции иные, чем у большинства. По моему мнению, заявитель не являлся жертвой по данной части его жалобы.

Чтобы рассмотреть данную часть жалобы по существу, мы должны прежде всего установить, был ли заявитель судим или подвергнут уголовному преследованию (см. Постановление Европейского Суда по

делу «Дзигарелла против Италии» (*Zigarella v. Italy*), жалоба № 48154/99, *Reports* 2002-IX) посредством или в результате принесения Генеральным прокурором Российской Федерации в Президиум Верховного Суда Российской Федерации протеста о пересмотре приговора заявителя в порядке надзора.

Однако Президиум Верховного Суда Российской Федерации оставил протест Генерального прокурора Российской Федерации без удовлетворения, и в результате никакого надзорного производства в отношении заявителя вообще не было. В данных обстоятельствах я не понимаю, почему заявитель может считаться жертвой в отношении его жалобы на то, что имело место надзорное производство после вынесения окончательного оправдательного приговора по его делу и что такое судебное разбирательство представляло собой нарушение его права не быть повторно судимым по уголовному обвинению в отношении правонарушения, по которому он был уже окончательно оправдан.

Иными словами, так как протест Генерального прокурора Российской Федерации был оставлен без удовлетворения, нельзя говорить о каком-либо начале или возобновлении уголовного обвинения или судебного разбирательства в отношении заявителя.

Верно, статья 4 Протокола № 7 к Конвенции говорит о праве «не ... быть повторно судим[ым] или наказан[ым] в уголовном порядке ... за преступление». Однако, по моему мнению, лицо не может считаться «подлежащим» повторному судебному разбирательству или уголовному преследованию, в любом его проявлении, за преступление до тех пор, пока не соблюдены все необходимые правовые условия такого судебного разбирательства или уголовного преследования, предусмотренные национальными правовыми системами. В данном деле одним из важнейших условий для дальнейшего судебного разбирательства или уголовного преследования было удовлетворение протеста Генерального прокурора Российской Федерации о пересмотре приговора по делу заявителя в порядке надзора, и это условие не было соблюдено.

Более того, после своего оправдания заявителю никогда более не предъявлялось обвинение в той или иной форме. В отсутствие этого я не понимаю, по каким причинам заявитель мог считаться «подлежащим» повторному судебному разбирательству или уголовному преследованию по смыслу статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции, если только мы не растянем понятие «обвинение» и сделаем его шире его нормального или принятого понимания.